

ЕЛЕНА ЛИТИНСКАЯ

Незабытая
мелодия

Очарование прозы Елены Литинской — в сочетании юмора и психологизма, динамики и подтекста. Нет ни повторяющихся героев, ни повторяющихся сюжетов. Живые, интересные диалоги, мастерски переданные интонации. Не читаешь, а буквально слышишь и видишь происходящее. Захватывающее чтение, и есть над чем поразмыслить.

*Вера Зубарева,
Филадельфия*

И поэзия, и проза Елены Литинской всегда проникнуты добрым чувством. Это не означает приторной слащавости или излишней романтичности. Её сюжеты отражают жизнь с её трагизмом и юношескими надеждами, разочарованиями и счастьем, ударами и подарками судьбы. Стиль Литинской отличают ирония, мудрость, пронизательность, точные наблюдения, ёмкие, меткие характеристики.

*Татьяна Янковская,
Нью-Йорк*

Насыщенность, яркость прозы Елены Литинской, возможно, происходит от её поэтического дара, от умения владеть языком поэзии — красочным и точным одновременно. Как и полагается живым людям, её персонажи многогранны и неоднозначны в своих действиях и поступках. Для авторского стиля писательницы характерны сжатость, напряжённость и даже стремительность повествования, что совсем не мешает глубокой психологической проработанности образов.

*Ирина Шульгина,
Москва*

Истории Елены Литинской трогательны без излишней сентиментальности, трагичны, но без безнадёжности. Через них познаёшь мир и себя в нём. В женских характерах узнаёшь свои черты и свои мытарства, и это роднит. Мы не одиноки!

*Лана Райберг,
Нью-Йорк*

ЕЛЕНА ЛИТИНСКАЯ

Незабытая
мелодия

Сборник прозы

ЧИКАГО • 2024 • CHICAGO

Елена Литинская
Незабытая мелодия
Сборник прозы

Yelena Litinskaya
The Unforgotten Melody
A Collection of Prose

Книга Елены Литинской «Незабытая мелодия» — это полифоничный сборник, состоящий из романа и четырёх рассказов на тему современной жизни в США и России. Герои и героини романа и рассказов — обычные люди со своими проблемами и тайнами, отнюдь не богатые и не знаменитые. Они находятся в постоянном поиске своего места под солнцем и в вечной погоне за той единственной взаимной любовью, которая заморозит, поймёт, оценит и поможет перенести тяготы жизни. Персонажи романа и рассказов — сильные, волевые характеры, обладающие умением выживать, сталкиваясь с такими драматическими и порой трагическими ситуациями, как обман, предательство, измена, ревность, искушение, преступление, болезни, смерть...

Copyright © 2023–2024 by Yelena Litinskaya

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without permission in writing from the copyright holder.

ISBN 979-8-9877439-6-6

Proofreading by Julia Grushko
Book design and layout by Yulia Tymoshenko
Cover design by Larisa Studinskaya

Published by Bagriy & Company | Chicago, IL

🌐 www.bagriycompany.com

✉️ printbookru@gmail.com

Printed in the United States of America

Содержание

Незабытая мелодия	11
Не уезжай, пожалуйста	123
Всё как всегда	155
Любовь и химия	175
Крутые повороты	205

Незабытая
мелодия

Зачем себя томить и утруждать,
Зачем себе чрезмерного желать?
Что предначертано, то с нами будет.
Не меньше и не больше нам не взять.

Омар Хайям

Встреча

«**Н**адо зайти в аптеку, в русский магазин, овощной... Куда-то ещё? Не помню. Может, потом вспомнится. А не вспомнится, значит, так тому и быть. Обойдётся. Господи, как мне всё это надоело! Вечно в бегах! Абсолютно нет ни времени, ни сил побыть наедине с собой, расслабиться или, наоборот, сосредоточиться и подумать о том, зачем всё это. Я катастрофически быстро старею. Один день похож на другой, как вот эти близнецы в коляске, которую так бодро катит молоденькая мама. Неужели так будет всегда, до самого конца? Каким будет мой конец и когда он наступит», — мрачно думала Наташа, по-мужски размашисто, как настоящий заправский водила, паркуя машину на Брайтон-Бич авеню. Был седьмой час вечера. Она возвращалась домой с работы. Декабрьская ночь наплывала огромной тёмной волной, грозя вот-вот потопить судорожно барахтающийся в предрождественской суете город Бруклин.

Наташа осторожно глянула на себя в зеркальце. Так и есть. Её лицо было неприкрыто усталым и увядшим, как роза, подаренная на день рождения и отстоявшая в вазе свой срок. Крашенные в каштановый цвет волосы растрепались по ветру. Остатки помады на губах поблекли, тушь потекла с ресниц, образуя под глазами чёрные кляксы. Словом, весь разрушенный мейкап говорил о том, что женщина в зеркальце спешила

домой после утомительного рабочего дня и не имела возможности да и, если откровенно, желания замазать следы усталости на лице. В это время суток ей было абсолютно всё равно, как она выглядит. «Лицо как лицо... Одно из толпы. Женщина за сорок. Есть в этом определении некая обречённость, связанная с фатальностью предлога „за“. Ну, а если его заменить на обтекаемую незавершённую предлога „под“? Ведь уже под пятьдесят. Нет, так ещё хуже. От слова „пятьдесят“ веет предпенсионностью, и становится совсем уже тоскливо. Пусть будет „за сорок“», — думала Наташа.

Она снова и снова пристрасно всматривалась в свои черты. Натянуто, как перед фотокамерой, улыбалась знакомому отражению, говорила сама себе «cheese», стараясь одолеть свой пессимистический настрой. Вообще-то, если закрыть глаза на развороченный мейкап, не так уж и плохо. Напротив, даже миловидна. Так, по крайней мере, говорили оценивающие взгляды ещё не старых мужчин на улице и в сабвее. «Если очень захотеть, можно поиграть своими серо-голубыми с тёмным ободком, как у Мишель Морган, глазками. Надо только сменить фокусировку и направление взгляда с центробежного, направленного в себя и замкнуто-печального, на центростремительный, притворно оживлённый взгляд на окружающий мир. Придётся потренироваться».

У входа в сумбурно-безвкусно обустроенный, но, тем не менее, популярный своими ценами продовольственный «русский» магазин «Золотой Ключик» Наташа столкнулась с человеком, лицо которого ей показалось странно знакомым. Оно неожиданно вынырнуло откуда-то из давно затонувшего прошлого и никак не вписывалось в привычный брайтонский пейзаж. И вдруг догадка осенила её.

«Неужели Игорь? — ошеломлённо подумала Наташа. — Боже мой! Не может быть!» — ей даже больно стало от этой мысли, настолько она была нереальна и абсурдна. И тут Наташа поймала себя на том, что она громко, не стыдясь, буквально орёт на весь Брайтон.

— Игорь! — закричала Наташа, опасаясь, что этот человек уйдёт и она его больше никогда не увидит. — Игорь! — ноги вдруг стали ватными, голова закружилась. Чтобы не упасть, она ухватилась рукой за дверной косяк магазина.

Мужчина, невероятно похожий на Игоря, разве что постаревший, с сединой в волосах, неохотно, даже несколько подозрительно оглянулся, лениво посмотрел на неё пустым взглядом, мол, кто тут меня зовёт? И вдруг как бы засуетился мыслями, закопался в памяти. Сначала улыбнулся несколько растерянной улыбкой и побледнел, потом покраснел от неожиданности. В его глазах засветилась радость узнавания.

— Наташа?! — пробормотал он. — Господи! Наташа! Наташенька! Не может быть! Сколько лет?!

— Двадцать! Уже двадцать лет! — сказала Наташа с особой, даже какой-то знаковой торжественностью.

* * *

Последний раз они виделись двадцать лет назад. Это была случайная, прямо-таки роковая встреча нос к носу в московском метро на переходе станции «Площадь революции», встреча, после которой их пути снова разошлись, как тогда казалось, навсегда. Игорь быстро взбирался к вершине внешторговской карьеры. С гордостью от собственных семейных и карьерных достижений и почти холодным равнодушием к Наташе (ей так показалось) он рассказал о рождении второго ребёнка, дочери. Несмотря на остатки юношеского романтизма, Игорь по натуре был прагматиком. Продолжение романа с Наташей в то время становилось для него чересчур обременительным и рискованным. Оно могло даже оказаться опасным для карьеры и семейной жизни. Слишком серьёзно Наташа воспринимала тогда их отношения. Значит, пришло время эти отношения прервать! Чего это ему стоило, она не знала. В чужую душу, даже если она любимая, не залезешь. А если и удастся каким-то чудом туда проникнуть, то, возможно, найдёшь такое, что лучше бы и не пытаться. Одно расстройство.

После долгих болезненных раздумий Наташа всё это поняла и, не желая быть ему в тягость, с жертвенной мудростью отступила, решив раз и навсегда вычеркнуть Игоря из своей жизни. Клин клином вышибают. На счастье, подвернулся абсолютно не женатый Миша, добрейший, интеллигентный человек, к тому же симпатичный и наполовину еврей — факт немаловажный для Наташиных родителей. Он приносил цветы, приглашал

в театр, на концерты. Словом, упорно и красиво ухаживал и наконец сделал ей предложение. И Наташино разбитое сердце неожиданно быстро склеилось. На удивление себе самой, она сразу же согласилась. Вышла замуж. И вскоре они уехали в Америку. (Через несколько лет, уже в Америке, родилась Машенька.) Шёл 1979 год, самый «урожайный» год эмиграции третьей волны. Наташа ничего не сказала Игорю о своём отъезде. Они даже не простились.

Так Наташа с Игорем оказались не только в разных полушариях, но и во враждебных мирах. Наташа вспоминала об их любви, как о прекрасном прошлом, которого не вернёшь. Вначале, по свежим следам расставания, вспоминала часто, потом всё реже и реже, а в последние годы почти совсем не думала о нём. И образ его, за давностью, потускнел, размылся, как старый портрет, написанный гуашью, и вот уже казался почти стёртым и даже вымышленным.

Теперь же, двадцать лет спустя, как это бывает только в романах и в кино, они снова встретились в Америке, в самом центре русской эмиграции — на Брайтон-Бич. Похороненное прошлое неожиданно ожило и ворвалось в настоящее, соблазняя душу и тело новыми надеждами и искушениями. Наташа смотрела на Игоря, на его высокую плотную фигуру, слегка расплывшиеся, но всё ещё красивые черты: полные губы и тёмные бархатистые глаза, из-за которых она столько проплакала... смотрела и думала:

«Вот она, судьба! Наконец-то! Нет, теперь я его никому не отдам!»

Они стояли у входа в магазин и глядели друг на друга в абсолютной растерянности, боясь лишним словом или жестом нарушить это удивительное мгновение, которое всё ещё длилось и обещало быть реальностью.

— Ну, что встали на дороге? Ни туда, ни сюда! — послышался недовольный южно-русский говорок. Голос принадлежал крупной женщине в норковой шубе с опушкой и кокетливым разрезом сбоку.

«Ну куда ещё было надевать норковую шубу! В Метрополитен-оперу ты же вряд ли ходишь. Не висеть же такой роскошной шубе всю зиму в шкафу, привлекая моль!» — насмешливо пронеслось в Наташиной голове.

Наташа очнулась от оцепенения, развела руками, улыбнулась, выдохнула и, запинаясь, сказала:

— Б-брайтон есть Б-брайтон... Т-ты... как? Т-ты что здесь делаешь? В гостях или насовсем?

— Насовсем. Мы всего полгода назад приехали, — поспешно объяснил Игорь, введя безопасное слово «мы», которое означало, что он здесь не один, а с семьёй.

— Иммигрант, значит, как мы все? — не удержалась Наташа.

— Стало быть, так, как все.

— Неужели беженец? Убежал от родного режима в поисках приключений? — Не могла поверить она.

— Представь себе, беженец! А ты — такая же язва, как в шестом классе.

— Ну, что ты! Жизнь вывернула меня наизнанку. Я теперь добрая и мягкая, как воск. Лепи, что хочешь. Беженец, так беженец. Лишь бы тебе было удобнее, — одобрительно сказала она и, боясь спугнуть его своим неожиданным ехидством, быстро добавила:

— Ты спешишь?

— Я, вообще-то, еду из Манхэттена домой, — неуверенно начал Игорь. — Можно и не спешить, — и глаза его сверкнули знакомым озорным блеском, который Наташа помнила ещё со школьных времён.

— Здесь недалеко есть маленькое кафе, — предложила Наташа. — Давай зайдём, — и добавила, оценив содержимое кошелька нового иммигранта. — Я угощаю.

— Ок, — сказал Игорь. — Ты, как всегда, предусмотрительна.

— Да брось ты! Я надеюсь, что скоро настанет такое время, когда платить будешь ты.

— Эх, скорей бы!

— И оглянуться не успеешь. Поверь мне, иммигрантке со стажем.

Она облегчённо вздохнула. Нет, он не собирается убегать так быстро домой. И они медленно пошли в сторону Кони-Айленд-авеню.

И сразу всё куда-то отодвинулось: заботы дня, аптека, овощной магазин, русский магазин... Конечно, ни в какие магазины Наташа не пошла. Усталость как рукой сняло. Она почувство-

вала, как раскраснелась, её походка вдруг стала лёгкой. Наташа вся светилась, как последняя утренняя звезда перед рассветом. И ей вдруг показалось, что она не сорокапятилетняя отцветающая женщина, а молодая ведьма, этакая Маргарита. Дай только метлу, и она без усилий взлетит над городом. Судьба подарила Наташе редкостный второй шанс, второе счастье, и всё начинается сначала.

Зима в этом году в Нью-Йорке выдалась холодная. Выпало много снега. Вот и в этот вечер снежинки кружились в воздухе и мягко падали на землю, деревья и крыши домов. Погода была прямо-таки московская, как тогда, тридцать лет назад...

* * *

Было два часа ночи. Метро уже не работало. Наташа с Игорем, запорошённые снегом, медленно шли домой на Пресненские пруды после встречи Нового года в Колонном зале Дома союзов. Отец Игоря, крупный советский чиновник, подарил сыну два билета на ёлку, и Игорь пригласил Наташу. Встреча Нового года в Колонном зале была шумной. Народ тусовался разношёрстный: студенты, молодые офицеры, курсанты Суворовского училища, ярко покрашенные девицы, влюблённые парочки, случайно попавшие на лишний билетик одиночки, коренные москвичи и гости столицы.

Они танцевали, ели в буфете бутерброды с икрой и пирожные, потом опять танцевали и быстро устали от сутолоки и суеты. Им захотелось побыть наедине. Они рано покинули Колонный зал, можно сказать, в самом разгаре веселья, и пошли домой пешком. Долго брели по заснеженной Москве через Арбат до Пресни и по дороге зашли в какой-то незнакомый подъезд погреться. В те времена подъезды ещё не запирались на кодовые замки.

Они любили друг друга с шестого класса, наперекор Наташиным завистливым подругам, не раз пытавшимся их поссорить.

— Неужели он тебе нравится? Он же примитив! Он же ничего не читал, кроме «Графа Монте-Кристо» и «Трёх мушкетёров», — насмешливо восклицала Тамара, высокая девочка с длинной косой и крупным носом, отличница и авторитет. —

Уж лучше дружи с Петенькой. Он хоть и маленького роста, зато умный.

И Наташа пыталась дружить с Петенькой, Вовочкой и некоторыми другими, но всегда возвращалась к Игорю. Он с покорной готовностью окружал её своей любовью, и всё начиналось сызнова. Они ходили вместе в Краснопресненский парк кататься на лодке, ездили в Измайлово и на Ленинские горы, после школы делали вместе уроки, писали друг другу любовные записки, держались за руки, танцевали на школьных вечерах, но так и не решились поцеловаться. Эпоха была другая. К тому же они оба были настолько чисты и целомудренны, что поцелуй казался им желанным, но пока запретным плодом. Сколько раз ей хотелось сесть к Игорю на колени, обвить его шею руками и прижаться губами к его губам... Но она не решалась, откладывая первый поцелуй на завтра, до более удобного случая. Ей казалось, что Игорь никуда от неё не денется и у них вся жизнь впереди. Игорь был абсолютно и бесповоротно её, Наташиной, собственностью, влюблённый, надёжный и даже немного смешной своей влюблённостью и постоянством. Наташа по молодости и самоуверенности не понимала, что ничто не вечно в этом мире и никогда нельзя откладывать любовные и вообще душевные порывы на завтра. Ну и поплатилась.

И вот в новогоднюю ночь долгожданная возможность наконец представилась. Чужой полутёмный подъезд казался необитаемым островом для двоих. Влюблённые подростки, они стояли близко-близко друг к другу. Она решительно сняла перчатки, заледеневшими пальцами расстегнула шубку и в блаженном ожидании закрыла глаза. Игорь наклонился к ней, взял её руки в свои и тёплым дыханием стал отогревать ей пальцы. Потом она почувствовала его дыхание на своих губах.

«Ну, поцелуй же меня! Что же ты медлишь?» — подумала она, но сказать не посмела.

Губы Игоря робко прикоснулись к Наташиным губам... И в этот миг дверь скрипнула, и в подъезд кто-то вошёл, нарушая обыденностью вторжения их решительно-романтический настрой. Наташа испуганно открыла глаза, Игорь отпрянул в растерянности. Момент был упущен. Целоваться больше не хотелось. Нет, не то. Целоваться всё равно хотелось, но решительность исчезла. Кто-то из них должен был сделать первый

шаг ко второй попытке, но ни он, ни она не смели. Их словно парализовало. Прошло несколько минут, которые показались Наташе вечностью.

«Всё, всё, всё! — грустно подумала она. — Кончено!»

Смущённые и печальные, они быстро покинули чужой подъезд и молча разошлись по домам. Всю оставшуюся зиму и весну они избегали друг друга, почти не разговаривали, страшась повторить неудавшуюся попытку первого поцелуя. Потом сдали экзамены за восьмой класс. Наступило лето. Игорь написал Наташе письмо, полное отчаяния и клятв не забыть её никогда. Она, сидя на даче, долго размышляла над его письмом с вольными знаками препинания и грамматическими ошибками, вздыхала, плакала, наконец написала ответ, но так и не бросила его в почтовый ящик. «Вот приеду осенью в Москву, позвоню Игорьку. Мы поговорим, и всё образуется», — решила Наташа.

Но осенью пути их окончательно разошлись. Семья Никитиных получила новую, огромную по тем временам квартиру в другом районе. Наташа поступила в новую школу, где страстно отдалась русской литературе. Игорь тоже сменил школу и неожиданно для Наташи и самого себя заново влюбился. Нина оказалась настойчивее и смелее Наташи. Из другого конца Москвы доходили слухи о его новом увлечении, но Наташа так и не смогла поверить в то, что это серьёзно. Не звонила ему, не беспокоила... А когда поверила — было поздно. Он не поздравил Наташу с днём рождения. Явно избегал встреч. Как-то быстро исчез. Потом, через пару лет, Наташа узнала, что сразу же после окончания школы Нина с Игорем поженились и у них родился сын Андрейка. Наташин верный паж Игорёк совершенно неожиданно стал чужим мужем и в придачу отцом семейства. Надо было с этим фактом как-то смириться и жить дальше... Она и смирилась. На время.

* * *

Маленькое кафе по причине пятницы было забито разношёрстной брайтонской публикой, в которой Наташа с Игорем благополучно растворились. Они заказали какие-то псевдофранцузские блюда и бутылку сухого вина. Музыканты играли модные, привезённые из России полублатные песни. Полнова-

тый певец с огромным крестом на волосатой груди исполнял их громко и с надрывом. Сочетание креста и блатного шансона тогда тоже входило в моду. Лихое наступило время.

Наташе с Игорем было много о чём рассказать друг другу. За двадцать лет столько воды утекло. Рассказать всё было абсолютно невозможно, но хотелось, чтобы этот вечер вместил в себя как можно больше. Они наперебой задавали друг другу вопросы и охотно и долго отвечали на них.

— Я готова была кого угодно встретить здесь, только не тебя, — начала она. — Ты — русский, член партии, на вершине внешнеторговой карьеры... в нашу еврейско-иммигрантскую братию явно не вписываешься.

Игорь слабо улыбнулся.

— Вписался. Да, русский, бывший член партии, давно выбросивший партбилет. А жена моя, если помнишь, скрытая еврейка, полукровка. У меня всегда была слабость к еврейским женщинам, — добавил он, многозначительно улыбнувшись. — Если партийные бонзы вкладывают деньги в заграничные банки и бегут — спасайся, кто может, — значит, пришло время и нам, рядовым коммунистам, выбросить партбилеты и пере-квалифицироваться, нет, не в управдомы, а в капиталисты. Так я и сделал. Занялся бизнесом, благо образование и опыт позволяли. Сначала всё шло неплохо, а потом бизнес пришлось оставить. С одной стороны, государство давило налогами. С другой — слишком близко ко мне подползала чеченская мафия. И тем и другим надо было отстёгивать. Прибыли почти не оставалось. Терялся смысл бизнеса. Да и опасно становилось. Надо было спасать семью и свою шкуру. У Нины моей здесь, в Бруклине, уже много лет живёт сестра. Ну, мы и рванули сюда, как говорится, для воссоединения семьи. Ха-ха-ха! Ну а ты? Как ты прожила эти двадцать лет? — и добавил мягко и немного даже собственнически: — Как тебе жилось без меня, моя Наташенька?

— Поздновато ты вспомнил, что я твоя. Без тебя мне просто жилось. Как? Наверное, нормально. Нет, не то слово. Спокойно, хорошо, без больших тревог, ухабов, взлётов и падений. Ну а ты обо мне думал, вспоминал? Только честно.

— Не только вспоминал, но много думал и несколько раз звонил и вёл долгие разговоры с твоей мамой, пока она мне

не призналась, что ты вышла замуж и уехала за границу. Ну, я перестал звонить. А разве она тебе ничего не писала?

— Нет. Она, наверное, не хотела меня тревожить тобой. Боялась нарушить мой покой, мою «сладкую» американскую жизнь.

— Тонкая женщина, твоя мама. Где она сейчас?

— В московском крематории.

— О господи! Не знал, прости.

— Когда-то давно простила раз и навсегда. Знаешь, моя судьба сложилась совсем не так, как я когда-то мечтала. Но роптать грех. Не ропщу. Ты, наверное, помнишь: я когда-то писала стихи, занималась художественным переводом, хотела взобраться на литературный Олимп... Словом, Олимп не состоялся. Богиня оказалась простой смертной. Стихи пишу редко и в стол. Переквалифицировалась. Работаю программистом, зарабатываю деньги, и немалые. После того как мы разошлись тогда, двадцать лет назад, я быстренько выскочила замуж за первого попавшегося претендента. Красиво ухаживал, помог не зацикливаться на разрыве с тобой. Случайно оказался прекрасным человеком и надёжным мужем. Его зовут Миша Литвинов. Он работает инженером в местном муниципалитете. Да, я теперь не Лещинская, а Литвинова. Тоже на Л. Мы здесь уже двадцать лет. Нашей дочке Машеньке недавно исполнилось восемнадцать. Она в Америке родилась. По-русски говорит и даже грамотно. Моя школа... — тут Наташа запнулась и замолчала. О своей семье ей больше говорить не хотелось. — Ну а как твои? Нина и дети?

— А моему Андрею уже двадцать пять, а Ирочке двадцать. И вообще, я уже два года, как стал дедом. Представляешь?

— Вот это да! Дедушка Игорь. Как-то в голове не укладывается. Всё равно, поздравляю! И что же вы... все вместе сюда приехали?

— Да, приехали всем табором. Так табором и живём: я, Нина, Ирочка, Андрейка с женой Людмилой и внук Данилка. Вместе тесно, врозь скучно.

— Бедный ты мой! — участливо сказала Наташа. — Туго тебе приходится. Я начало иммиграции вспоминаю, как кошмарный сон.

— Ничего, как-нибудь прорвёмся! — с деланной бодростью сказал Игорь. — Давай лучше выпьем за нашу встречу!

И они пили за встречу, за далёкую юность, за вечную первую любовь и за Его Величество случай, который их снова свёл, кто знает, на радость или на горе. Пышнотелый певец, закончив хрипеть полублатные песни, вдруг затянул приятным голосом что-то нежно-лирическое, и Игорь потащил Наташу танцевать. Они танцевали какой-то странный танец. Почти не передвигая ног, стояли обнявшись, стараясь руками, губами и телом ощутить руки, губы и тело партнёра и как бы раствориться в этом другом теле, чтобы больше уже не разлучаться. Было почти два часа ночи, когда Игорь вдруг спохватился, что не позвонил домой и Нина, наверное, в истерике.

— А мне и позвонить-то некому, — горько сказала Наташа. — Дочь вечно с друзьями где-то болтается, тусуется, как теперь говорит молодёжь. Её никогда нет дома. Муж в больнице после микроинфаркта. (Пока что микро...) Впрочем, я должна была ему позвонить в больницу. Он, наверное, ждал меня весь вечер. Как же это я? О боже! Затмение какое-то нашло. Это всё ты. Сбил меня с пути истинного.

Игорь хотел что-то сказать, но передумал и закашлялся. Наташа заплатила по счёту. Когда она доставала кредитку, Игорь отвернулся. Видимо, ему было не очень приятно, что за ужин расплачивается женщина. Бывший сотрудник Внешторга, у которого всегда водились деньги... да и женщины, он к этому не привык. Они вышли на улицу, и Наташа отвезла его домой. Как тесен мир! Оказалось, что Игорь живёт в одном доме с Наташиным отцом и мачехой. Они обменялись телефонами и ещё долго сидели в машине. Обнимались и целовались, как влюблённые подростки.

В тупике

Наташа приехала домой на рассвете и в гостиной с удивлением обнаружила дочь Машу, которая спала, не раздеваясь, на диване. Наташа зажгла свет, Маша тут же вскочила и с выпученными глазами набросилась на мать:

— Сколько сейчас времени? Где ты была?

— Сейчас четыре часа утра, — ответила Наташа, игнорируя второй вопрос дочери.

— Четыре утра! — в ужасе воскликнула Маша. — И ты в четыре утра являешься домой! Как ты можешь? Ты предательница! Папа звонил из больницы. Он спрашивал, где ты и почему не пришла его проведать. Где ты была?

— А это, доченька, не твоё дело! — раздражённо ответила Наташа и пошла наверх в спальню, лихорадочно соображая, что сказать в своё оправдание. Заспанная Маша всё же упрямо поплелась за ней наверх, продолжая наступление.

— Это моё дело. Ты моя мама. Я ждала тебя, я беспокоилась, я долго не могла уснуть.

— Ну, что же, значит, мы поменялись ролями для разнообразия, — жёстко добавила Наташа и закрыла дверь спальни перед носом дочери.

«Зачем я так грубо ответила ей? — подумала Наташа. — Бедная девочка беспокоилась обо мне, а я ей ни за что ни про что нагрубилась. Я не только плохая жена, но ещё и никудышная мать».

В смятении она долго лежала на кровати с открытыми глазами. Сердце учащённо билось, лицо горело. Приняла снотворное. Не помогло. Сон не приходил. В голове крутились кинолентой события минувшей ночи.

— Господи! — молилась она, как умела, ибо никакой религии не придерживалась, — помоги мне! Что делать? Что же мне делать? — в который раз спрашивала она себя и сама же себе мысленно отвечала: — А ничего! Просто плыть по течению. Авось, к какому-нибудь берегу да прибудёт... Не хочу к какому-нибудь берегу. Хочу к правильному берегу, — упрямылась Наташа.

— А это уж, как карта ляжет, — ехидничал внутренний голос.

Наташа поняла, что подобный диалог никуда не приведёт и не принесёт ей желанного откровения и, успокоенная этим, тотчас же провалилась в тяжёлый сон, как в пропасть.

Проснулась она лишь в полдень, отдохнувшая, обновлённая, улыбающаяся. Ей приснилось, что новогодняя ночь тридцать лет назад всё-таки завершилась первым поцелуем.

На кухне Наташу поджидала свеженакрашенная, одетая на выход, присмирившая Маша, которая хоть и подозрительно косилась на мать, больше ни о чём не спрашивала. Дочь молча поставила на плиту кофеварку, надела наушники и притвори-

лась погружённой в мир музыки, мол, я больше не собираюсь докучать тебе и лезть в твои дела. Кофе они варили крепкий, по-старому, по-московски, не то, что американцы: булькает, булькает — весь аромат испаряется. Чувствуя свою вину перед дочерью, Наташа чмокнула Машу в благоухающую шампунем макушку и быстрым жестом взъерошила её длинные волнистые волосы.

— Сейчас только кофе выпью и поедем к папе. Собирайся!

Маша тут же высвободилась из тесного кольца кольца наушников и живо отреагировала на Наташин призыв.

— Ок! Только я поведу машину. Ладно? Ну, пожалуйста!

— Хорошо-хорошо! Ты поведёшь, — отмахнулась Наташа. Дочь только недавно получила водительские права и была готова развозить семью, друзей и родственников в любые концы, только бы ей дали порулить.

В больнице при виде бескровно-серого небритого лица мужа у Наташи защемило сердце. Она казалась себе отвратительной грешницей, достойной всяческого презрения и порицания.

— Наташенька! Девочка моя пришла. Где ты была вчера, гулёна? Я так ждал тебя.

— Я была... в ресторане с... сотрудниками, — не моргнув глазом, солгала Наташа. — Понимаешь, давно обещала отвести их в русский ресторан. Мы немного посидели в кафе. Мне... мне нужно было отвлечься. Я устала. Ты ведь у меня уже на поправку пошёл, правда? Я было собралась тебе позвонить, но как-то припозднилась.

— Конечно, конечно, детка. Иду на полную поправку. Я понимаю, ты очень устала. И тут ещё муж, непутёвый пьяница... с сердечным приступом свалился на твою голову, — подыграл Наташе Михаил. — Ну и как? Понравилось твоим американцам в русском кафе?

— Очень! Экзотика! Хотят ещё раз туда пойти, — Наташе было противно продолжать лгать, и она быстро сменила тему:

— Когда тебя выписывают?

— Не знаю. Какой-то стресс-тест ещё хотят делать и повторный анализ крови.

Наташа взяла мужа за руку, избегая смотреть ему в глаза, опустила голову.

*Автор сердечно благодарит
сотрудников издательства Vagriy & Company,
а также Бориса Жеребчука, Веру Зубареву, Лану Райберг,
Ирину Шульгину, Татьяну Щёголеву и Татьяну Янковскую
за помощь в создании этой книги.*

Елена Литинская — поэт, прозаик, переводчик. Родилась и выросла в Москве. Окончила Славянское отделение филологического факультета МГУ имени Ломоносова. Занималась поэтическим переводом с чешского. В 1979 году эмигрировала в США. Вернулась к творчеству в конце 80-х годов. Издала тринадцать книг стихов и прозы. Романы, стихи, переводы, рассказы, повести, очерки и критические статьи Елены можно найти в «Журнальном зале», в периодических изданиях, сборниках и альманахах США и России. Елена Литинская — лауреат и призёр нескольких международных литературных конкурсов, заместитель главного редактора литературно-художественного журнала «Гостиная» (gostinaya.net). Живёт в Нью-Йорке.

Роман, повести и рассказы, вошедшие в книгу «Незабытая мелодия», могут быть соотнесены с некоторыми узловыми моментами биографии Елены Литинской. В то же время книгу нельзя приписать к ведомству биографической или мемуарной литературы. Перед нами целостная картина, в образах которой легко угадывается присутствие автора, ощущается глубоко личностное начало. Изящный и непринужденный язык, привнося дополнительную художественную значимость изобразительному ряду, не позволяет оторваться от чтения до последней страницы.

Борис Жеребчук, Нью-Йорк

ISBN 979-8-9877439-6-6

9 798987 743966